

При этом сами они хотели, чтобы другие народы не смогли разобрать их писаний, поскольку всегда были они склонны к тайнам и таинственному. Когда же они сделали её тёмной и недоступной для остальных, они сильно перестарались, так что дети с трудом могли разобрать писания своих отцов» (Ура Линда 2007: 127). К подобному самооправданию прибегали и Е. П. Блаватская, и Э. Шюре, и другие искатели «значительной религии», якобы зашифрованной в священных книгах.

Итак, как ни различны рассматриваемые авторы, но налицо первая общая черта: история человечества, его общества и культуры — стихийный процесс, управляемый не самими людьми, а иррациональными силами. В принципе, этого следовало ожидать: «рациональный миф» — противоречие в определении. Но следуем далее.

III.2. Избранная популяция

Что Розенберг был расистом, не приходится даже доказывать. Он сам выпячивал, как мог, именно эту сторону своих трудов и даже претендовал на роль «официального философа расизма». Тут он, конечно, преувеличил: как философу ему далеко до Ж. А. де Гобино, а учёным-исследователем он и вовсе никогда не был.

III.2.1. Равен ли суперэтнос расе?

Гумилёв же стремится избежать упреков в расизме. Во-первых, после Победы откровенная поддержка расистских идей в странах, боровшихся с гитлеризмом, была бы невозможна — даже по чисто моральным соображениям. Во-вторых, ему, крупному учёному, было ясно, как беспомощен научный уровень расистских «теорий», как бессильны были они даже чётко определить, что такое вообще раса. Поэтому он специально подчёркивает:

«Рас, по В. П. Алексееву, шесть. И по внешнему виду, и по психофизическим особенностям представители разных рас отличаются друг от друга. **Раса** является относительно стабильной биологической характеристикой вида людей, но при этом нам важно здесь подчеркнуть, что она никак **не является формой их общежития, способом их совместной жизни**» (Гумилёв 1990: 13).

Разные классификации насчитывают от трёх до двадцати рас, больших и малых. Так или иначе, Гумилёв отмежевывается от термина «раса»:

«Значит, этнос не биологическое явление, так же как и не социальное. Вот почему предлагаю *этнос* считать **явлением географическим**, всегда **связанным с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос**. А поскольку ландшафты Земли разнообразны, разнообразны и этносы» (Гумилёв 1990: 17).

Место расы в его концепции занимает этнос. Причём от его научного определения автор также уклоняется и даёт лишь нефункциональное определение (Клейн 1992: 232), да и то в виде уступки занудам: «Ну, а если найдётся привередливый рецензент, который потребует дать в начале книги чёткое определение понятия “этнос”, то можно сказать так: этнос — феномен биосферы, или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества, в согла-